

Глава 18. Дяочжабин (часть 2)

—

Цзи Жунся сделал всего-навсего десять лепешек дяочжабин. Остатки мясного фарша и теста пошли на привычные шэнцзяни.

— Ся-гэр, эти лепешки мы оставим себе или вынесем на продажу? — поинтересовался Гу Танцзинь, когда закончил с фруктовым напитком. Подойдя к прилавку, он окинул взглядом разложенное угощение. В воздухе плыл такой густой аромат печеного мяса и подрумяненного теста, что слюнки текли сами собой.

Цзи Жунся неуверенно прикусил губу:

— Ну... Давай четыре штуки оставим для дома, а шесть выложим на пробу?

— Я разрежу каждую пополам, и буду продавать полукруг за четыре вэня. — Юноша уже все прикинул в уме: муки на эти лепешки уходило порядочно, мяса — чуть меньше, но возиться с ними у печи приходилось долго. Сбавлять цену не имело смысла, иначе труды просто не окупятся: одна только растопка и дрова съедали добрых несколько монет.

— Ладно. Мы уже дней десять торгуем одними шэнцзянями, самое время побаловать людей новинкой, — согласился Гу Танцзинь и принял споро помогать фулану выносить подносы на улицу.

Сосед Гуань Хунчи как раз отпирал двери своей лавки. Завидев супругов, он с любопытством покосился на их лоток. Шэнцзяни были на месте, но рядом красовалось несколько диковинных лепешек.

— О, да у вас сегодня опять новые изыски? — приветливо и радушно окликнул он соседей.

С тех пор как Цзи Жунся и Гу Танцзинь начали продавать здесь свои пирожки, Гуань Хунчи заметно сблизился с ними и успел подружиться.

— Ага, лепешки испекли, прямо сверху мясо выложено. Половинка стоит четыре вэня, — на всякий случай сразу обозначил цену Цзи Жунся.

Услышав это, Гуань Хунчи облегченно выдохнул. В его заведении миска простой лапши без добавок стоила пять вэней, а у соседей товар вышел недешевым, так что за своих клиентов он мог не переживать — торговлю они ему не перебьют.

Не успел Цзи Жунся толком обустроить прилавок, как к ним, весело помахивая плетеной корзинкой, уже спешил Лю Далан — старший сын хозяина кондитерской лавки.

За последнюю декаду в его семье завелся прочный обычай — покупать у Ся-гэра что-нибудь к утреннему столу. К примеру, возьмут они шэнцзяней вэней на двадцать — и всей большой семье как раз достанется по штуке. Дома они делили пирожки, заедали их пресной кашей или кукурузными лепешками, запивали парой глотков прохладного фруктового отвара — выходил на редкость сытный и ароматный завтрак.

Конечно, баловали они себя шэнцзянями не каждое утро, все-таки удовольствие было не из дешевых, зато за фруктовым напитком заглядывали изо дня в день без пропусков.

— Ого-го! Сегодня у вас тут свежие лепешки? Так вкусно пахнут! Сколько просите за штуку? — завидев невиданное угощение, Лю Далан прибавил шагу, притопывая сапогами, и мигом втиснулся в самый перёд очереди.

Оттесненный им в сторону Линь Дуншань сердито зыркнул на наглеца. Лю Далан тут же замахал руками, виновато улыбаясь и складывая ладони в примирительном жесте:

— Ой, виноват, брат! Глаза на лепешки вылупил, а тебя и не заметил. Прости великодушно, покупай первым, я подожду.

С этими словами он ловко отступил на шаг назад, пристраиваясь за спиной Линь Дуншаня.

— Брат Лю, ну сколько тебе лет, а все такой же суматошный, — весело поддразнила его Дяо Цююнь, оправляя подол своего старенького платья из синильного полотна. Она была чуть моложе Цзи Жунся и, в отличие от остальных столпившихся здесь торговцев едой, принадлежала к другой семье — Дяо держали поблизости бакалейную лавку.

— Так ведь дух от этих лепешек идет неземной! Цююнь, а ты сегодня опять за фруктовой водичкой пришла? — ухмыльнулся Лю Далан.

— Угу, — тихонько отозвалась девушка, слегка смутившись.

Семья Лю в их переулке Уцью считалась людьми зажиточными, да и лавка Дяо приносила неплохой доход. Вот только родители Цююнь тряслись над каждым вэнем и экономили на еде и одежде так, что смотреть было больно. Девушка была в самом цветущем возрасте, а ходила вечно то в синем, то в сером полотне — сразу видно, перешивали из старого тряпья, ни одной яркой краски. Ладно бы в доме ветер гулял в карманах, так ведь нет — бедными они точно не были. Фруктовый напиток стоил всего ничего, только поэтому Дяо Цююнь и могла позволить себе лакомиться им ежедневно.

— Мне два шэнцзяня, половинку лепешки и один черпак фруктового напитка. К пирожкам плесни уксуса, — потребовал Линь Дуншань, стоявший во главе очереди. Видя, что Лю Далан толкнул его без злого умысла, он быстро остыл и поспешил сделать заказ.

Парень был в самом расцвете сил, за ночь его желудок успел окончательно опустеть, так что сейчас живот буквально прилип к спине от голода.

Гу Танцзинь и Цзи Жунся уже прекрасно знали Линь Дуншаня в лицо — этот парень приходил к их лотку каждое утро без единого перерыва и числился среди самых верных завсегдатаев.

Молодой ученый в несколько движений упаковал лепешку и пирожки в сочные листья лотоса, а прохладного напитка плеснул даже с небольшим верхом.

Линь Дуншань буркнул слова благодарности и развернулся к соседней лавке семьи Гуань. Там он заказал порцию пустой лапши, чтобы с чистой совестью занять место за столом.

В последнее время многие покупатели приноровились делать точно так же. Из-за этого Гуань Хунчи наловчился варить лапшу с быстротой молнии — не успел парень сесть, как дымящаяся миска уже стояла перед ним.

Впрочем, Линь Дуншань еще по дороге не удержался и всю жевал лепешку.

При первом же укусе корочка звонко хрустнула, внутри же мякиш оказался невероятно

мягким, а мясная начинка — сочной, лоснящейся от масла и приятно солоноватой. Вкуснота неопиcуемая!

Лапшу еще не успели подать, а он уже умял всю половинку лепешки до последней крошки. Парень сыто причмокнул, чувствуя, что душа требует продолжения.

Когда принесли миску, он принялся уплетать лапшу вприкуску с шэнцзянями. Наестся-то он наелся, но мысли все равно упорно возвращались к той хрустящей лепешке с мясом.

Вот только на сегодняшний завтрак он и без того спустил уйму денег, тратить еще четыре зэня на вторую половинку было бы полным расточительством. Линь Дуншань похлопал себя по тугому животу и твердо решил, что завтра придет пораньше и обязательно купит целую лепешку. А сегодня на пристани нужно будет посильнее покрутиться, подрядиться на тяжелую работу и заработать побольше меди.

С этими мыслями он поднялся со скамьи и вышел на улицу. Оказавшись у лотка, Линь Дуншань бросил беглый взгляд на поднос и обомлел: лепешек и след простыл, все раскупили подчистую!!!

— Гу-сюцай, что, неужто лепешки уже закончились? — удивленно крикнул он.

— Мы сегодня всего шесть штук испекли на пробу, так что и правда ничего не осталось. А вот шэнцзяней еще в достатке, — обернувшись к нему, с мягкой улыбкой отозвался Гу Танцзинь.

Линь Дуншань расстроено зачастил:

— А завтра вы будете их печь?

— С этими лепешками у печи возиться слишком долго, — подал голос Цзи Жунся. Он не стал давать твердых обещаний. Товар-то разошелся на ура, да и цена за него выходила хорошей, но сам процесс отнимал слишком много сил — если стоять у раскаленного горшка каждый день, можно протянуть ноги от усталости. — Будет время и силы — напечем, а если закрутимся — не обижайтесь.

Линь Дуншань заметно сник, но делать было нечего:

— Что ж, тогда завтра я приду пораньше, попытаю удачу.

Дяо Цююнь, наблюдавшая за этой сценой, тихонько прикусила губу. Неужели эти мясные лепешки и правда настолько хороши, что люди из-за них так убиваются? Она тайком сглотнула набежавшую слюну и поспешила обратно к своей бакалейной лавке.

— Я вернулась! Купила две чашки фруктового напитка! — звонко крикнула девушка, едва переступив порог.

Из глубины дома к ней навстречу вышел сухощавый, низкорослый мужчина. На нем была надета легкая домашняя куртка, сплошь покрытая аккуратными латками, а в некрупных лисьих глазках сквозила безмерная житейская хитрость и прижимистость.

Лавочник Дяо в несколько шагов подскочил к дочери, выхватил у нее корзинку и, заглянув внутрь, так и расплылся в довольной ухмылке при виде полных чаш со сладким напитком:

— Хорошо, хорошо! Эти Гу — просто нищие богачи, деньгам счета не знают, льют от души. Но

нам же и на руку! Дольем сюда чистой воды — вот и хватит на целый день питья для всей семьи.

— И то правда! Такой чудесный сладкий отвар, да всего за один вэнь! Чем больше берем, тем больше выгоды, — поддакнула Юй Паньлань, мать Цююнь, высунув голову из кухонной пристройки.

Цююнь недовольно надула губы и нахмурилась:

— Отец, мама, люди ведут дела честно и на совесть, с чего это они «нищие богачи»? Прикусили бы вы языки, право слово, поберегли бы душу от греха.

— Да что ты понимаешь в этой жизни? Большие деньги только из капель и собираются! Все наше хозяйство и лавка поднялись лишь потому, что мы каждый вэнь берегли и откладывали, — проворчал лавочник Дяо. Он был до крайности прижимист — экономил не только на домашних, но и на самом себе. Дома он ходил исключительно в старых, дырявых обносках, переодеваясь в приличное платье только перед выходом за прилавок, а возвращаясь во двор, тут же снимал его от греха подальше, боясь испортить хорошую ткань.

Юй Паньлань согласно кивнула:

— Истинно так!

Не зря говорят, что муж и жена — одного поля ягоды: эти двое сошлись идеально, монету к монете берегли с одинаковым неистовством.

— Ладно, отец, матушка, поберегите эти поучения для брата, когда он вернется из поездки. Ему и выговаривайте, — фыркнула Цююнь, одарив родителей сердитым взглядом.

Их лавка и достаток держались исключительно на старшем брате, который круглый год мотался по дорогам со своей коробейной тележкой как бродячий торговец. Если бы они во всем полагались на своих экономных родителей, то до сих пор перебивались бы с воды на хлеб.

— Ты... Ах ты негодница! Зачем брата поминаешь? Он сейчас в пути, делом занят, нечего его имя трепать, — стоило зайти речи о старшем сыне, как лавочник Дяо мигом растерял всю свою спесь.

В молодости он и сам был разносчиком товаров. Но когда жена рожала дочку, роды выдались на редкость тяжелыми, здоровье женщины подкосилось, и с тех пор она могла справляться только с самой легкой домашней работой. Ему пришлось в одиночку тащить на себе двоих малолетних детей и при этом умудряться торговать. В самые черные дни он просто сажал малышей в глубокие плетеные корзины и так и шел по деревням: одной рукой товар показывает, другой за детьми приглядывает, чтобы заработать жене на целебные снадобья. К счастью, сынишка уродился на редкость смышленным и бойким — стоило ему завидеть прохожих, как он принимался ласково щебетать: «Тетушка, дядюшка, братец, сестрица!» — чем знатно завлекал народ и делал отцу половину выручки.

Позже мальчик подрос, стал сам колесить по дальним уездам, и только тогда их семья наконец-то вздохнула свободно, обзавелась лавкой, да и здоровье Юй Паньлань со временем поправилось.

— Не о чем мне с вами спорить. Пойду переоденусь, — бросила Цююнь и ушла в свою каморку. Спустя пару минут она вышла оттуда в нарядном платье из нежно-желтого хлопка. Одевание

сразу преобразило девушку, сделав ее лицо светлым, свежим и на редкость милостивым.

— Вот же упрямца! Сколько раз тебе говорено: на улицу иди в хорошем, а дома носи старье! У тебя же все шиворот-навыворот. Люди на улице поглядят на твои обноски и решат, что я тебя в черном теле держу и тираню! Так мы тебе приличную семью вовек не найдем, — Юй Паньлань при виде дочери лишь горестно вздохнула. Самой ей было глубоко плевать, что она ходит в серой, покрытой заплатами юбке, но о будущем единственной дочери материнское сердце болело каждый день.

— Это платье мне брат привез и подарил, вы с отцом на него ни единого вэня не потратили. К тому же, дома я ношу его и радуюсь, душа поет! А на улице вечно толчея, заденет кто, порвет или испачкает — жалко ведь. Наш дом только-только начал копить серебро, если я стану на людях щеголять и сорить деньгами, еще, чего доброго, позарится какой лихой человек на наше добро, — Цююнь принялась неторопливо расчесывать волосы гребнем. — Брат сказал, что еще года два покатается с товаром, а потом бросит это дело. Вернется в уезд, найдет себе хорошего фулана, осядет дома и заживет спокойной жизнью. Вот когда в доме прибавится рабочих рук, тогда и я стану наряжаться, время терпит.

Девушка вовсе не была лишена девичьего тщеславия и любви к красивым вещам. Просто сейчас, пока брата не было дома, а с ней оставались лишь престарелые родители, наряжаться и привлекать к себе лишнее внимание было бы верхом глупости. Их маленькая бакалейная лавка и без того колола глаза завистникам, так что осторожность не помешала бы.

Лавочник Дяо покрутил в голове слова дочери и вынужден был признать ее правоту. В этом году Цююнь исполнилось тринадцать, через пару лет будет пятнадцать — самое время сговорить хорошую партию, а там еще года два — и к семнадцати замуж выйдет, все по правилам.

— Ладно, ладно, что ты, что твой брат — слова вам не скажи, — махнул рукой отец Дяо и ушел на кухню, чтобы разбавить фруктовый напиток водой.

— Эх, вот бы брат привез в дом фулана, у которого руки были бы хоть вполовину такими же умелыми, как у Ся-гэра... Я сегодня у прилавка пока стояла, чуть с ума не сошла от запаха этих лепешек и пирожков, — Цююнь сглотнула слюну, вспоминая утренние ароматы.

— Мечтать не вредно! Эти Гу владеют семейными секретами мастерства, кто ж тебе такую драгоценность за просто так отдаст, — Юй Паньлань, глядя на тоскливый вид дочери, сокрушенно вздохнула и, сжав зубы, решила: — Ох, ладно... Вижу, как ты извелась вся. Завтра... завтра пойдешь и купи себе парочку этих шэнцзяней на пробу.

Материнское сердце все же взяло верх над жадностью: смотреть, как ребенок исходит слюной, не имея возможности даже лизнуть лакомство, было выше ее сил. Сама-то Юй Паньлань у прилавка не стояла, запахов не нюхала, потому и душа у нее не болела.

Услышав это, лавочник Дяо открыл было рот, чтобы вставить свое веское слово против пустых трат, но жена так грозно зыркнула на него из-под бровей, что он тут же прикусил язык и убрался восвояси.

— Мама, ты это серьезно?! — глаза Цююнь вспыхнули яркими огоньками.

— Серьезно! Всего-то пять вэней, неужто для родной дочери не найду, — вымолвила Юй Паньлань, хотя лицо ее при мысли о потере пяти монет перекошилось так, будто она разом проглотила кислый лимон.

Пять вэней! Да на эти деньги можно было купить две огромные лепешки из грубой муки и сытно накормить всю семью!

— Ну, смотри, я тебя за язык не тянула!

— Иди уж, не тянула она... Стану я еще родное дитя обманывать, — проворчала мать.

Мать и дочь дружно рассмеялись. Вся семья уселась за стол и принялась уплетать пресные овощные лепешки, запивая их щедро разбавленным фруктовым напитком. Спустя полчаса лавочник Дяо и Юй Паньлань ушли отпирать лавку, а Цююнь устроилась в комнате за ткацким станком. Руки у нее были золотыми, полотно выходило плотным и ровным, так что за ее работу в лавке давали хорошие деньги.

Перебирая нити, девушка подумала, что завтра на свои личные сбережения, которые она тайком откладывала с продажи полотна, купит побольше шэнцзяней, чтобы и родители смогли отведать это чудо. Вот только когда вернется брат? Он безумно любил сладкое и от этого фруктового напитка точно пришел бы в полный восторг. Хоть бы к его возвращению эти Гу не бросили свою торговлю...

***

— Перец чили! Перец чили! Перец чили!

После тяжелого, суматошного дня Цзи Жунся лежал в постели и перед самым сном, зажмурив глаза, упрямо бубнил под нос одно и то же слово.

— И ты думаешь, если так без конца повторять, это поможет? — со смесью смеха и нежности спросил Гу Танцзинь, устраиваясь рядом.

Цзи Жунся состроил на удивление серьезную, глубокомысленную мину и со вздохом изрек:

— Главное — верить всем сердцем, тогда и божества откликнутся. О великие силы, ниспошлите мне перец чили!

Гу Танцзинь не выдержал, согнул палец и ласково щелкнул фулана по лбу.

— Ай-яй! Ты мне так всю голову отобьешь, я же поглупею! — шутливо заворчал юноша, потирая ушибленное место.

Гу Танцзинь лукаво вскинул бровь:

— Ся-гэр у меня настолько сообразительный и хитрый, что даже если ты самую малость поглупеешь, все равно останешься умнее всех на свете.

Щеки Цзи Жунся мгновенно обдало легким румянцем. Он гордо вскинул подбородок:

— Ну, это само собой разумеется!

—